

Екатерина Орлова

МАМА НА
Рождество

18+

Екатерина Орлова

Мама на Рождество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68933586

SelfPub; 2023

Аннотация

– Папочка, – шепчет Милли, взбираясь ко мне на колени. – Смотри, наша мама танцует с другим дядей. Пойди ударь его.– Милли, я не дерусь с мужчинами, которые танцуют с женщинами. К тому же, она не «наша» мама.– Так пусть ею будет! Я сегодня напишу новое письмо Санте. Пускай забирает кукольный домик и сделает Эйку моей новой мамой. Закатываю глаза и пытаюсь не рычать от злости. Как вот ее разубедить? Как, нахрен, себя убедить теперь, что я ее не хочу? Утром Эрика Коулман бесила меня. Вечером привлекла. А теперь я хочу ее до зубовного скрежета. Это какая-то ненормальная реакция организма. Но она сама виновата во всем этом. Потому что бросала на меня эти многозначительные взгляды. Улыбалась другим мужчинам, танцевала, демонстрируя чулки. Чертова Эрика!– Немного нелогичная героиня, чертовски влюбленный пилот и забавная маленькая девочка. Без драмы! Легкая рождественская история

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	54
Глава 8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Екатерина Орлова

Мама на Рождество

Мама на Рождество

Глава 1

Киллиан

– Благодарю, миссис Торн.

Няня моей дочки вежливо улыбается и кивает.

– Счастливого Рождества, мистер Томас, – отвечает она и выходит из дома.

Я разворачиваюсь и сталкиваюсь взглядами с Милли, которая, прижимая к себе своего старого медведя по имени Гризли, смотрит на меня, склонив голову набок. Ее волосы слегка растрепались и теперь комично торчат в стороны.

– Ну что, Панда? Чем займемся? – спрашиваю присев.

Я называю так свою дочь, потому что в три года она заявила, что будет пандой, когда вырастет. И заставляла меня так называть ее. Сейчас, в свои пять, Милли в полной мере осознала свою выгоду быть девочкой, папиной принцессой, так что больше не сравнивает себя с медведем, но прозвище прижилось.

– Разбирать подарки, – она кивает в сторону стоящей в углу елки.

– Рановато еще для подарков, Рождество не наступило.

– А когда наступит?

– Через пару дней.

– Тогда зачем там сейчас лежат подарки?

– Санта принес их заранее.

– Зачем?

Я вздыхаю, потому что вот этот поток вопросов всегда ставит меня в тупик. И, если еще на такие банальные, как «Почему небо голубое?», я могу ответить, то про Санту что-то совсем растерялся.

– Это просто коробочки, они пока еще без подарков.

И правда, нахрена я набросал подарки заранее?

– Тогда почему тяжелые?

– А там... гири.

– Как у тебя в спортзале?

– Да, – облегченно выдыхаю, когда Милли сама начинает подсказывать ответы.

– А зачем они там?

Хочется ругнуться, но при ребенке нельзя. И так всегда, когда я возвращаюсь из длительных рейсовых командировок. Я настолько привыкаю там общаться без ограничений, что потом сложно перестроиться дома. Сейчас снова ругательство щекочет кончик языка, но я держу себя в руках.

– Не знаю. Слушай, нам нужно в торговый центр.

– А зачем? – задает она любимый вопрос, но я уже вижу ее интерес, загоревшийся в глазах.

– Нужно купить подарок дяде Фреду.

– Мы купим ему мягкую игрушку? – загорается она и начинает хлопать в ладоши, а я прикрываю глаза и еще раз выдыхаю. Кажется, на этот раз пронесло от углубления в тему гантелей в подарочных коробках. – Я буду выбирать, ладно?

Милли продолжает перебирать варианты подарков для Фреда Коулмана, пока я несу ее в спальню принцессы, чтобы расчесать и заплести ее любимые хвостики. Потом переодеваю дочку и усаживаю у себя в спальне смотреть мультики, пока сам быстро принимаю душ и меняю форму пилота на свободный свитер и джинсы.

– Папочка, от тебя вкусно пахнет, – заявляет Милли, когда я появляюсь из ванной.

– Спасибо, детка, – улыбаюсь своему маленькому критику и прохожу в гардероб, чтобы надеть часы и браслет на запястье.

– Ну как? Готова?

– Ага.

Милли бодро спрыгивает с моей кровати, не откладывая медведя, и несется к лестнице, шурша утепленными штанами. Ее задорные хвостики подпрыгивают в такт движениям. Я улыбаюсь еще шире. За эти две недели я так чертовски соскучился по дочери.

– Папочка, только я не доела свою кашу, – огорошивает она меня как раз перед тем, как мы собираемся обуться.

– Давай променяем кашу на... скажем, пиццу.

– Ура! Пицца! – радостно восклицает она, а потом хмурится. – Но миссис Торн сказала, что я должна каждое утро съесть не меньше десяти ложек, иначе не вырасту. А я не могу быть всегда такой маленькой, потому что тогда я никогда не достану до шкафа со сладостями.

Я прикусываю губу, чтобы не рассмеяться.

– А сколько ложек ты съела?

Она начинает загибать пальчики, деловито бубня себе под нос и хмурясь. Я с умилением наблюдаю за сложными подсчетами.

– Пятнадцать тридцать восемь! – выдает она с гордостью, а я, уже не скрываясь, смеюсь.

– Это больше десяти.

– Правда? – с сомнением в голосе спрашивает она.

– Точно больше.

– Ну я все равно съем еще две, – Милли разворачивается и бежит на кухню. – Ты только без меня не уходи! Ты же сам подарок не выберешь!

– Каша уже остыла. Может, подогреть?

– Нет! – выкрикивает дочка из кухни, а я качаю головой.

Достаю из шкафа свои ботинки, сапожки Милли, перекидываю кошелек из форменной куртки в повседневную, и в этот момент слышу стук в дверь. Распахиваю ее и замираю. На пороге, широко улыбаясь и, как всегда, выглядя роскошно, стоит моя жена.

– Алекса, – приветствую ее сухо.

– Привет, Кил. Как дела? – она пытается заглянуть за мое плечо, но я закрываю собой весь дверной проем. – Могу я увидеть Милли? Я привезла ей подарок на Рождество, – она поднимает повыше небольшую коробку.

– Не можешь. Подарок оставляй, я поставлю под елку.

Опять на Рождество уезжаешь?

– Да, – тянет она неуверенно, дергая бант на коробке. – У меня выступление.

– Мгм, – коротко отвечаю, снова злясь на нее. Надо же, два года прошло с момента, когда я вытравил Алексу из нашей с дочкой жизни, а все равно еще неприятно ноет в груди, когда она в который раз предпочитает работу семье.

– Слушай, я завтра улетаю, хотела бы увидеться с дочкой.

– Надо было прийти за час до отлета. Тогда бы тебе не пришлось придумывать отговорки, почему ты должна быстро ретироваться.

– Ты несправедлив ко мне.

– Это я говорю, еще и накинув сверху небольшой кредит доверия.

– Какой же ты...

– Кто? – прерываю ее. Этот разговор начинает меня утомлять.

– Говнюк, – бросает она резко, превращаясь в привычную мне Алексу с острым языком. – Передавай привет Милли, – цедит сквозь зубы, всовывает мне в руки коробку и, развернувшись на высоких каблуках, спускается с крыльца.

Когда-то этот дом планировался как семейное гнездышко. Отец предупреждал меня, что Алекса и «гнездышко» – это полярные понятия. Но я не прислушался. Я тогда был чертовски сильно влюблен в певицу из бара, и мне казалось, что с ней я могу быть счастлив. Потом я думал, что после рожде-

ния ребенка она обязательно бросит карьеру и оседет дома. Дальше мы ругались, потому что я не имел права требовать оставить мечту, потому что так хочу. Она ведь не требовала от меня бросить мою. Что ж, я посчитал претензии справедливыми и оставил ее в покое. А затем она объявила, что нам нужно переехать в столицу штата – Мадисон. Якобы там для ее и моей карьеры лучшие условия. А то, что наша дочь не будет видеть залив Грин каждый день из окна и расти в уютном городке, ее совсем не интересовало.

Я не хотел возвращаться в Мадисон. Я учился в этом городе, прожил немало веселых часов, тусуясь в друзьями и шляясь ночами по барам. Но я не хотел, чтобы единственной ценностью моей Милли стали деньги и увеселения, как это случилось с ее мамой. С которой я, кстати, познакомился в одном из баров Мадисона. Мне хотелось, чтобы Милли росла недалеко от бабушки с дедушкой, чтобы каждый день созерцала красоту природы. Именно поэтому я купил дом в Маринетт, на берегу залива Грин озера Мичиган.

Милли в восторге от своей жизни. Она обожает свою будущую школу, свою добрейшую няню, своих дедушку с бабушкой, у которых остается довольно часто, когда я уезжаю в командировки. Она любит смотреть на озеро, летом вместе со мной или с дедушкой рыбачить, ловить бабочек и собирать цветы. Милли – это ребенок природы, и я хочу, чтобы так оставалось как можно дольше. Она счастлива здесь.

Уход Алексы стал для дочери огромным потрясением. Она

ночами плакала, звала мамочку. Моя жена не подумала о том, с кем будет оставлять дочку, если бы мы переехали. Я часто бываю в командировках, она почти каждую ночь в барах и клубах. Алекса надеялась, что моя мама бросит отца, работу и свой дом, чтобы присматривать за внучкой в городе, и сильно удивилась, когда ей было отказано, как она выразилась, «в такой малости».

Иногда мой отец называет меня упертым ослом, который, возможно, должен был согласиться на переезд, но временами он все же соглашается с моим решением.

То, что дочь не нужна Алексе, я понял через неделю после ее отъезда в Мадисон. Тогда я должен был ехать в командировку и позвонил жене, чтобы она забрала к себе Милли, но та, сославшись на плотный график выступлений, отказалась. Впервые навестить дочь Алекса приехала через полгода после отъезда. Милли была несказанно счастлива снова встретиться со своей мамочкой. Но та пробыла дома не больше получаса, а потом снова засобиралась назад. Дочка никак не могла взять в толк, почему не может поехать с мамой, и почему мама с ней практически не побыла. И, конечно, пару ночей перед сном плакала до икоты и снова звала маму.

Тогда я и возненавидел женщину, которую когда-то любил до беспамятства. Алекса еще пару раз пыталась уговорить меня переехать с ней, заверяла в том, как сильно любит нас и скучает. А потом мы с Милли приехали в город, чтобы провести выходные с ее мамой, но Алекса выкроила

для нас всего пару часов в своем плотном графике. Я выдержал тот уикенд только ради дочери. Но с тех пор я практически не подпускаю жену к нашей малышке. Еще один такой стресс мог бы ее сломить. Милли, словно почувствовав мой настрой, не спрашивает о маме, я о ней тоже не говорю.

– Папочка! – выкрикивает Милли за моей спиной, и я разворачиваюсь посмотреть на нее. – Я съела всю кашу.

– Всю-всю? – спрашиваю, закрывая дверь.

– До капельки! – с гордостью выдает моя красавица, тряхнув головой. – А что это у тебя?

– Это... м-м-м... – чешу затылок в поисках правильного ответа, а потом откладываю коробку на комод. – Это принесли еще одну коробку.

– С гантелями? – деловито спрашивает Милли, поставив руки в боки, при этом зажав под подмышкой многострадального медведя.

– Именно! – восклицаю, щелкнув пальцами. – Готова ехать?

– Да!

– Тогда обуваемся.

Глава 2

Эрика

– Дочка, я понимаю, что ты занята, но завтра у отца день рождения, – давит мама, раздражая меня.

Зажав телефон между плечом и ухом, я ощупываю живот своего нового пациента и бросаю медсестре:

– Мягкий. – Она кивает и печатает на ноутбуке мои слова.

Надавливаю в разных частях брюшной полости, но пациент даже не вздрагивает, только пытается поймать мою руку и засунуть ее себе в рот. – Тише, малыш, – улыбаюсь я.

– Эрика, – строже зовет меня мама.

– А нельзя просто в джинсах, мам? – стону я, кивая хозяйке Доджера.

– Нет. Дорогая моя, у папы юбилей. Приедут его бывшие коллеги. Может, найдешь себе достойного...

– Все, поняла! – выкрикиваю, заставив клиентку вздрогнуть, а маму – замолчать. И только привыкшая к моей эмоциональности медсестра Лесли продолжает невозмутимо заполнять карточку пациента. – Платье, так платье. Вечером заеду в торговый центр.

– И освободи вечер на завтра, – напоминает мама, а я прикрываю глаза, устало вздыхая.

Я так надеялась заскочить к родителям днем, поздравить папу и уехать, сославшись на занятость на работе. Но мама,

которая все не сдается в своем порыве выдать меня замуж, настояла на том, чтобы я присутствовала на торжестве.

Проводив последнего пациента, я устало опускаюсь в кресло и прикрываю глаза.

– Эрика, – в кабинет входит директор ветклиники, Кларк Доусон, такой же одержимый животными, как и я. – Пришли анализы, которые ты ждала.

Он бросает мне на стол папку, которую я тут же пролистываю в поисках результатов анализов одного из пациентов, а потом шумно выдыхаю.

– Можно делать операцию, – говорю, поднимая голову. – Только назначим ее на следующую неделю.

– Это еще почему? – Кларк присаживается на край моего стола и впивается в мое лицо своими темными глазами. Когда он так внимательно смотрит, мне становится не по себе.

Хотя так я себя чувствую каждый раз, когда на меня смотрит мужчина. И тогда я выдаю один из вариантов реакции: смущение или агрессию. Ненавижу весь мужской род! Ну, за исключением папы и брата. Остальным желаю гореть в аду!

– Я беру выходные на весь остаток недели.

– А меня поставить в известность ты не желаешь? Надо отменить или перенести твоих пациентов.

– Как раз собиралась к тебе идти.

– Как же, собиралась она, – недовольно бурчит Кларк.

– И всех пациентов заберет Беттани. Я уже договорилась с ней.

– А ее пациентов?

– У нее их было всего пять на завтра на тот момент, когда я узнавала. Как раз хватит времени всех принять.

– А с приютом что?

– Я им уже позвонила, до понедельника они меня не ждут.

Отработаю лишний вечер на следующей неделе.

– Ладно, – неохотно соглашается он, вставая со стола.

– Лесли, ты-то хоть завтра будешь?

– Да, мистер Доусон.

Фыркнув, Кларк покидает кабинет, а я продолжаю рассматривать результаты анализов, передавая их Лесли с комментариями и заданиями на завтра.

Поход в торговый центр за платьем занимает у меня кучу времени, особенно если учесть, что разместить заказ через интернет можно в считанные минуты, да и выбор там получше. Но тогда я не могу быть уверена, что доставка придет вовремя и мне не придется тащиться на юбилей отца в джинсах. К сожалению, потратив на шоппинг три часа, я не смогла выбрать наряд. Решаю сделать это все же утром, только втайне, иначе мама обязательно присоединится ко мне. Я люблю ее, но шоппинг с ней – это пытка. Мы должны будем обойти все магазины, и не по одному разу, а потом сделать вывод, что в первом все же было самое красивое платье. И вернуться туда в третий раз, чтобы все-таки купить то самое.

Я люблю своих родителей, но стараюсь минимизировать общение с ними, потому что они давят на меня по поводу

брака. Как-то мама притащила на семейные посиделки сына своей подруги. Улавливаете, да? Классическая ситуация. Я и сын маминой подруги. Я не сопротивлялась. Откровенно говоря, устала, потому что родители грызли меня за отсутствие личной жизни с двадцати одного года. Если до этого они радовались, что я сосредоточена исключительно на учебе, то сейчас мамино стремление выдать меня замуж больше напоминает истерику.

Так вот этот сын маминой подруги предложил мне встретиться. Мы сходили на пару свиданий. Зак был очень молчалив, и я тоже не болтуха. В общем, из пары часов свидания мы перекинулись всего несколькими словами. Причем так, будто нас заставляли это делать. Я подозреваю, что Зак пришел тоже не по своей воле. Но, несмотря на это, он пригласил меня на следующее свидание. Я тогда еще подумала: «Может, мы просто созданы друг для друга?» Ведь есть же молчаливые пары. Наверное, со временем неловкое молчание превратится в приятное. Но на третьем свидании Зак удивил, предложив мне тройничок с его... девушкой. Правда, она была замужем, а муж ее был куколд, но... В общем, я, как могла вежливо, истолковала парню свою позицию по этому поводу. Он сказал, что я так и останусь старой девой, потому что не открыта экспериментам.

Потом был папин ученик. Надо сказать, мой папа пилот со стажем. Он уже давно на пенсии, но до сих пор преподает в университете Мадисона. Летает туда несколько раз в месяц к

своим студентам, остальное время работает онлайн. Конечно, большинство его студентов – сплошь ухоженные красавцы, будущие пилоты. Но, во-первых, мне они больше напоминают напыщенных индюков. Преисполненные собственной важности и неотразимости, они даже ходят так, словно парят над землей. А, во-вторых, они чаще всего поверхностные в личных отношениях. Потому что... да-да, считают себя чертовски обаятельными. Даже если не красавцы. Надел форму пилота – все! Трусики у окружающих женщин должны автоматически слететь. А, ну и третье. Я бы не хотела ждать мужа из рейсов, как все детство ждала папу. Я вообще не очень терпелива, а тот факт, что от меня не зависело, когда смогу увидеть любимого человека, меня сильно раздражал.

Так что пилоты мимо.

Но был же папин ученик. Именно ученик, не студент. Он давно закончил университет и летал с папой в качестве второго пилота. Но в самом начале, как и большинство из них, работал стюардом на борту самолета, который пилотировал папа. Но это уже другая история. А наша с ним началась весной, когда у папы был отпуск. Он ненавязчиво пригласил Гаса к нам на барбекю. Якобы для открытия сезона, хотя это был уже третий раз за этот сезон. Я не собиралась тогда приезжать, но мама настояла. Мне стоило насторожиться еще в тот момент, когда она сказала: “Только не надевай шорты, тебе так идет то персиковое платье. Порадуй меня, надень

его.” Знала бы мама, что под этим очаровательным платьем потом будут нагло шарить руки их гостя, дважды подумала бы. Получив заслуженную пощечину и пару ругательств в свой адрес, Гас быстро ретировался с праздника, а мама тогда сказала, что я навсегда останусь девственницей.

Тогда, разозлившись, я пошла в бар, нашла неженатого бывшего одноклассника и переспала с ним. Правда, перед этим пришлось изрядно напиться, чтобы не блевануть, так что я помню только как он кряхтел надо мной, вливал мне в уши чушь о том, что я ему давно нравлюсь, просто он стеснялся ко мне подкатить. А, ну еще помню смутные отголоски боли и то, что секс мне совсем не зашел. С тех пор у меня была пара партнеров, с которыми я убедилась, что секс – это совсем не мое, на том и закончила свои эксперименты.

За свои двадцать восемь я добилась многого: у меня свой дом, пусть и в пригороде Маринетта, я один из самых востребованных ветеринаров штата. Ко мне даже из Мадисона везут животных, где крутых ветеринарных клиник целая куча, практически на каждом шагу. И все же эти люди везут своих животных ко мне, потому что могут быть уверены: я в лепешку расшибусь, но сделаю все, чтобы помочь им. Еще я занимаюсь благотворительностью, бесплатно ухаживая за животными в местном приюте.

У меня все хорошо и без семьи. Я вообще как подумаю о том, что, выйдя замуж, буду вынуждена отчитываться перед мужем за каждый час задержки на работе, меня броса-

ет в холодный пот. А задерживаюсь я каждый день, и не на минутку. А в дни, когда я работаю в приюте, могу вообще прийти к полуночи. Так что семья с моей одержимостью к работе мне противопоказана.

Приехав в Маринетт, сразу заезжаю в торговый центр, гораздо больший по сравнению с тем, который есть недалеко от моего дома. Я бреду по широкому проходу с полными пакетами. Все, как наказала мама: платье, туфли, белье. Еще я купила папе подарок и маме – чайную чашку в ее коллекцию. Поворачиваю голову, чтобы посмотреть на огромную украшенную к Рождеству елку, как мне в ногу что-то врезается, практически заставляя упасть, но я чудом остаюсь на месте. А «что-то» оказывается «кем-то»: маленькой девочкой с пытливым взглядом. Она смотрит на меня с интересом, прижимая к себе изрядно потасканного медведя. Я тоже смотрю на нее, не зная, что надо сказать. Самый безопасный выход из этой ситуации – сбежать. Но я почему-то осматриваюсь в поисках ее родителей.

Торговый центр наводнен людьми, снующими туда-сюда и периодически толкающими друг друга. Боюсь, в такой толпе ребенка могут сбить с ног. Затопчут вряд ли, но испугать могут.

– Где твои родители? – спрашиваю, не обнаружив никого из взрослых, кто бы крутил головой в поисках ребенка.

– Не знаю, – отвечает она и засовывает большой пальчик в рот.

– Вынь палец, иначе будет неправильный прикус, – на автомате говорю я, словно разговариваю со своей племянницей, у которой в раннем детстве была такая же привычка. – А с кем ты сюда пришла?

– С папой, – отвечает девочка, не вынимая пальца изо рта.

– И где он? – она просто пожимает плечами, а потом вынимает палец и этой же рукой берется за мой. И снова смотрит. – Тогда пойдем искать.

Сказав это, обхватываю остальными пальцами ее крохотную ладошку и веду к охране торгового центра, чтобы они объявили о том, что девочка потеряла папу. Малышка покорно следует за мной. Непуганная, похоже.

– Как тебя зовут? – спрашиваю ее.

– Милли. А тебя?

– Эрика.

Она пытается произнести мое имя, но выходит коряво. Нечто среднее между Лика и Эка. Решаю не обращать на это внимания, ведь через пять минут я уже прощусь с ней. Надеюсь на это.

– Эй, мисс! – раздается позади меня грозный голос, но я не сразу соображаю, что обращаются ко мне, поэтому и дальше тащу Милли за собой.

– Папа, – говорит она.

– Да, сейчас попросим охрану найти твоего папу, – бубню я, крутя головой по сторонам в поисках хоть одного охранника. Как не надо, они путаются под ногами, а когда нужны,

их никогда нет.

– Мисс! – громче выкрикивает мужчина, а потом меня кто-то хватает за локоть и резким рывком поворачивает к себе лицом. – Ты охерела?! – рявкает он мне прямо в лицо, а я столбенею от такой наглости.

– Папочка! – взвизгивает Милли и, отпустив мой палец, бросается обнимать ногу нахала, который только что меня оскорбил.

Глава 3

Киллиан

Эта сучка смотрит на меня глазами, полными гнева. Какова дрянь, а? Украла моего ребенка, пока я расплачивался в кафе, а теперь еще и смеет злиться.

Отодвигаю Милли себе за спину и взглядом разрываю дамочку на куски. Стараюсь не замечать ее красоты, потому что она сбивает с толку. Не модель, но есть в ней что-то притягательное. И сиськи нормальные такие. Эх, надо найти кого-то потрахаться. У меня так давно не было секса, что я готов наброситься на киднеппера.

– Пошли, – рычу я, снова схватив ее за локоть, а потом тащу к охране.

– Куда? Эй, отпусти меня! – возмущается она. – Куда ты меня тащишь? Пусти, ненормальный!

– Ты украла ребенка и хочешь свалить? Ни хрена не выйдет!

– Кого я украла?! Эй! Девочка потерялась!

– Девочка ждала отца возле кафе, потому что внутри ей было жарко!

– А не надо оставлять маленького ребенка без присмотра! Придурок!

Почему меня, нахрен, заводит то, как она брыкается?! И глазами своими в меня сверкает, готовая испепелить. Гу-

бы эти пухлые надувает и тычет в меня пальцем с прозрачным лаком на ногте. И пахнет она...

Вот черт! Она же выкрала Милли!

Встряхиваю ее, а заодно и себя, чтобы не сделать какой-нибудь глупости.

– Папочка, я хочу пи-пи, – тоненьким голоском тянет дочка, а я чертыхаюсь про себя.

– Сейчас, Панда, отдадим эту мисс охранникам, и я отведу тебя в туалет.

– Она тоже потерялась? – спрашивает Милли, хватая меня за указательный палец еще крепче.

– Ага, в дебрях уголовного мира, – цежу сквозь зубы.

– А что она сделала? – не успокаивается дочка.

– Тебя украла.

– Она меня не крала. Я пошла посмотреть на медведя и потерялась.

Я резко останавливаюсь и опускаю взгляд на дочку.

– На какого медведя? – прищуриваюсь.

– Там медведь конфеты раздавал, и я пошла за ним, – Милли прижимает к себе свою потрепанную игрушку и виновато смотрит на меня.

– А я что тебе говорил?

– Эй, может, отпустишь меня? – раздается слева. – Видишь, никого я не пыталась украсть!

– Тихо! – рывкаю на девушку и снова смотрю на дочь. – Что было дальше?

– Дальше я потерялась. Прости, – она покаянно опускает голову.

– Смотри мне в глаза, Милли, – приказываю строго.

– Не разговаривай так с ребенком! – снова встречается блондинка, которую я все еще держу за локоть. – И вообще к ребенку надо присаживаться, когда обращаешься к нему, а, тем более, ругаешь. Ей же страшно!

– Не лезь не в свое дело!

– Пф, – фыркает она и вздергивает подбородок.

– Я пошла, – возобновляет свой рассказ дочка, – но медведь уходил дальше. Я бежала за ним, но люди толкались, и я не успела. А она, – Милли кивает на несостоявшуюся преступницу, – взяла меня за руку и повела к охране, а тут ты пришел и спас меня.

– Ладно. Больше так не делай, хорошо?

– Мгм. А мы найдем медведя?

Ничего не ответив дочке, я перевожу взгляд на девушку.

– Убедился?

– Ни хрена подобного.

– Не ругайся при ребенке.

– Ты меня еще будешь учить воспитывать дочь? – я прищуриваюсь, впиваясь взглядом в эту фурию.

Но не успеваю и слова сказать, как ладошка Милли соскальзывает с моего пальца, и через секунду дочка скрывается в толпе с криком «Вон тот медведь, папочка!»

Конечно, я бросаю девушку и мчусь за дочкой, расталки-

вая людей и сто раз произносятся слова извинения. Подхватываю свою егозу и поднимаю вверх.

– Милли! Больше так не делай!

– Но он же уйдет! – канючит она.

– Мы и без него можем купить конфеты.

– Вкусные, как у него? – тут же переключается она на меня, и кладет ладошки на мои щеки, чтобы я посмотрел на нее.

– Еще вкуснее.

– Ура! Тогда идем за конфетами!

Я поворачиваю голову и осматриваю то место, где мы были до диверсии Милли. Конечно, девушка не стала дожидаться своей казни и сбежала. Я бы тоже так поступил. Вроде и ребенок нашелся, и я избавлен от волокиты с преступницей, а раздражение все равно не проходит. Найти бы ее и упечь за решетку. Кто знает, скольких детей она успела украсть.

Остаток дня мы с Милли проводим в торговом центре и сражаемся за каждую игрушку в детском отделе, где я пытаюсь прилично одеть ее к юбилею моего наставника, но ей все трет, жмет и чешется. В конце концов я нехотя соглашаюсь на колготки цвета конфеты в бело-красную полоску, синее платье и белые крылышки феи. Даже я понимаю, что отдельные элементы ее наряда совершенно не сочетаются между собой, зато у Милли отличное настроение, а у меня минус одна задача.

Купив подарок Фреду Коулману, мы с дочкой возвращаемся домой. До начала вечеринки у нас есть немного времени отдохнуть, так что я укладываю уставшую Милли в кровать и сам ложусь подремать. Но стоит мне закрыть глаза, за веками тут же всплывают те яркие глаза и пухлые губы. Картинки одна горячее другой. По телу горячей волной прокатывается возбуждение, и я со стоном переворачиваюсь на живот, втыкаясь твердым членом в матрас. Мычу от разочарования, что это не горячее влажное тепло какой-нибудь красотки.

Уснуть так и не получается, так что я поднимаюсь, принимаю горячий душ. Очень горячий. Вообще душ – это единственное горячее, что сейчас есть в моей жизни. Ну, и фантазии о той блондинке, будь она неладна. Наверное, она все же не пыталась украсть Милли, слишком уж моя дочь была спокойна. Да и вряд ли девушка так спокойно шла бы с ребенком между людей, скорее всего, она бы торопилась. Или моя вторая голова – та, что пониже пояса, – сейчас превалирует над верхней и пытается найти любое оправдание поведению блондинки, только бы не вычеркивать ее из фантазий.

Кормлю проснувшуюся Милли, мою ее, и мы собираемся. Когда дочка уже полностью одета в свой наряд, я улыбаюсь, глядя в ее счастливое личико.

– Папочка, а ты знаешь, что я нарисовала для Санты? Что я загадала в своем письме?

Каждый год моя дочь, которая еще не умеет толком пи-

сать, рисует Санте письмо. Она считает, что он уже плохо видит, потому что старый, и не сможет разобрать написанные ею слова. В этом году она нарисовала принцессу. Я подумал, что Милли хочет новую куклу и, конечно, уже купил ее. Но она удивляет.

– Я попросила новую маму.

Я вздрагиваю, вспоминая, что волосы у нарисованной принцессы были светлые, а глаза голубые, в то время как Алекса – мама Милли – брюнетка с карими глазами. А вот несостоявшийся киднеппер... Черт. Мне приходится отвернуться от дочери и слегка поправить неудобство в костюмных брюках.

Разворачиваюсь и присаживаюсь напротив дочки на корточки.

– А зачем тебе новая мама, Панда?

– У каждой панды есть мама, и у меня должна быть!

– Но у тебя же есть.

– Хочу новую, – хмурится Милли. – Чтобы была со мной каждый день. Чтобы кормила собаку, которую ты мне подарешь. Чтобы плела мне косички и готовила вкусную кашу.

– Я думал, миссис Торн готовит вкусную.

– Я ем, потому что жалею ее, – шепчет Милли, а я прокашливаюсь, чтобы не засмеяться.

– Папочка, я хочу новую маму. Старая приходит совсем на чуть-чуть, она даже не до конца выслушивает историю Гриззли, отдает мне какую-то уродливую игрушку и уходит.

Насчет уродливых игрушек это правда. Милли ненавидит зайцев. Никаких. И кроликов. А Алекса, словно издеваясь, каждый раз тащит ей именно такие игрушки. У нас в гараже даже есть «кладбище» плюшевых зайцев. После Рождества мы с Милли собрались поехать в детский онкологический центр, чтобы подарить этих зайцев малышам, вынужденным провести праздники в больнице.

– Я не думаю, что Санта дарит живых мам на Рождество, – начинаю мягко, чтобы подвести Милли к тому, что хочу сказать, но она топает ножкой в лаковых туфельках.

– А мне подарит!

– Ладно, – сдаюсь, – понял. Поехали.

Подхватываю дочку на руки, целую сладкую щечку и несу вниз, чтобы переобуть из туфелек в сапожки, одеться и ехать на день рождения Фреда. Я договорился с родителями, что через пару часов они заберут Милли, потому что она наверняка устанет от праздника, а на следующий день я за ней заеду. В этом был еще один плюс. Я, конечно, не рассчитываю на юбилее своего наставника найти какую-нибудь красотку и затащить ее к себе в постель. Но после праздника можно завалиться в бар, а там уже найти ту, с которой я смогу развлечься по-взрослому.

К ресторану мы подъезжаем с небольшим опозданием, потому что Милли никак не могла выбрать между двумя парами обуви, отказывалась оставлять Гризли дома, а еще требовала заплести ей косы – то, чему я так и не научился за

пять лет.

Выхожу из такси, с другой стороны открываю дверь Милли, но не успеваю достать дочку из машины, как слева от меня мелькает светлое пятно. Поворачиваю голову и едва успеваю выставить вперед руки, как прямо в них падает девушка, взмахнув светлыми локонами и хлестнув меня ими по лицу.

– Ой, простите, – испуганно бормочет она, поднимая голову.

– Ты? – произношу я, впиваясь взглядом в ее испуганное лицо.

– Ты? – одновременно со мной произносит дневной киднеппер.

Глава 4

Эрика

День сегодня... пакостный. Кроме того, что в этот день родился мой папа, ничего хорошего не случилось. Сначала это дурацкое приключение в торговом центре. Я теперь понимаю, почему люди перестали помогать друг другу. Вот так решишь отвести ребенка к охране, а тебя еще и обвинят в том, что ты хочешь выкрасть малыша. О, видели бы мои знакомые, как я оттуда убежала! Я просто поставила рекорд по спринтерскому забегу в переполненном торговом центре! Папа бы мной гордился, мама была бы в шоке, а брат с сестрой наверняка подкалывали бы меня до следующего Рождества.

Потом мне пришлось заехать в ветклинику, потому что собака миссис Зейн была вялая и с температурой, но никто не мог поставить ей диагноз. Странно, что никто не заметил, как ее йорк съел детский подгузник, и у собаки наступило обезвоживание. Вся вода, которую он пил, всасывалась в наполнитель, и в итоге пес не получал влагу. Пришлось промывать ему желудок, ставить капельницы. Из клиники я выскочила довольно поздно, так что мне пришлось пару раз нарушить правила, чтобы через предпраздничные пробки успеть доехать до дома, собраться, вызвать такси и прибыть на юбилей папы вовремя. Ну как вовремя? Учитывая,

что мама просила прибыть за полчаса до гостей, чтобы красиво встречать их всей семьей, а я приехала намного позже, то, наверное, можно считать меня опоздавшей.

И вишенка на торте. Жирная такая, заспиртованная, от которой меня мутит: этот мужик. Тот самый с торгового центра. И даже ребенок с ним. Обнимает своего потрепанного медведя и смотрит на меня большими глазами. Минни? Мила? Милли, точно!

И если бы я просто прошла мимо него, все было бы еще терпимо. Но сегодня навалило слишком много снега, а мои туфли не рассчитаны на такую погоду. Я ведь думала о том, чтобы поехать в сапогах, а в ресторане переобуться, но нет! Эрика Коулман просто не может жить без приключений!

Каблук как-то неустойчиво стал на расчищенный тротуар, нога поехала, и я оказалась в руках этого мистера Мудака, который утром назвал меня киднеппером.

– Ты? – произносим мы в один голос. Мне кажется, даже брови у нас синхронно опускаются к переносице.

– Наказание Божье, – цедит он сквозь зубы.

– Взаимно, – отвечаю недовольным тоном, отцепляясь от его рук.

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Тебе какая разница?

Я вижу, как темнеют его глаза. Наверное, от гнева или черт знает, что он там думает своей больной головой.

– Спасибо, – отвечаю резко, отлепляясь от него.

Мозг с опозданием фиксирует силу его рук, крепкие предплечья, железную хватку. Давно меня так не хватали. Наверное, лучше бы и не делали так. Мне и без мужчины хорошо.

– Привет! – выкрикивает Милли, болтая ногами. Она сидит на заднем сиденье такси, прижимая к себе медведя.

– Ага, – отзываюсь растерянно, а потом разворачиваюсь и иду к ресторану. Ноги даже не отрываю от тротуара, просто скольжу подошвами дорогущих туфель, чтобы не упасть.

– Папочка, а она нам подходит? – слышу у себя за спиной.

– Милли, не говори глупостей.

– Мне она нравится.

– Все, закрыли тему, – обрывает он ее. – Пойдем.

Я вхожу в ресторан, где на входе меня уже встречает мое семейство. Папа улыбается с блеском в глазах, мама недовольно поджала губы, сестра с братом скептически ухмыляются.

– Эрика, я же просила, – шипит мама, пока я обнимаю и целую папу, поздравляя с юбилеем.

Отношу подарок на кучку таких же празднично упакованных коробок чуть дальше на столе. Едва успеваю сбросить с себя пальто и отдать хостес, как слышу голос папы:

– Киллиан, я рад, что ты смог прийти.

– Я не мог пропустить такой праздник, Фред.

От знакомого голоса волоски на теле встают дыбом.

Не. Может. Быть!

Медленно поворачиваюсь, сто раз повторив про себя

мольбу, чтобы я ошиблась, и это оказался просто похожий голос. Но провидение ко мне неумолимо. Прямо напротив папы стоит тот самый мужик, а его дочка, сжимая старого медведя, снова засунула палец в рот и внимательно смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

Я растерянно улыбаюсь, она улыбается в ответ. Что это? Зеркальная реакция?

Папа знакомит этого мужика с членами моей семьи, а мне хочется закричать: «Хватит! Он оскорбил меня утром! Не улыбайтесь ему!»

Но, конечно, ничего такого я не делаю. Молча стою и жду, пока он свалит в зал к остальным гостям. А еще я надеюсь, что там никого не будет, и этот Киллиан будет чувствовать себя неловко в абсолютно пустом помещении, по которому снуют официанты, делая последние приготовления к празднику. Жаль, что музыканты уже настроили инструменты, и мы не слышим нестройные звуки, явно свидетельствующие о том, что оркестр пока совсем не готов к работе. Но негромкая музыка уже растекается по залу, так что этому мужику повезло.

– Эрика! – зовет меня папа и кивает, чтобы я подошла.

Выхожу из транса и стараюсь не кривиться от того, как этот Киллиан меня рассматривает. Ага, я теперь не в объемном свитере и без небрежного пучка на голове. Прическа, макияж, красивое платье – все при мне. Но даже при всем при этом ему как-то удалось меня узнать.

– Кил, познакомься: моя старшая дочь Эрика. Милая, это Киллиан Томас, мой бывший ученик. – Пока я пожимаю протянутую мне руку, папа продолжает нас знакомить: – Эрика ветеринар. К ней даже из Мадисона привозят животных, представляешь? Эрика, Кил – высококлассный пилот, работает на частных рейсах. Он умеет такие виражи делать в воздухе, не каждый военный пилот владеет таким мастерством.

Я даже не обращаю внимание на то, как папа расхваливает нас друг другу. Он делает это слишком уж открыто и долго, хотя остальных членов семьи просто представил. В этот момент я тону в светлых глазах Киллиана, в которых играют блики от многочисленных люстр. Не понимаю, почему не могу оторвать взгляд от его лица. Что меня так привлекает? Да, он красивый мужчина, но не в этом дело. Как будто между нами есть что-то, что притягивает нас друг к другу, потому что и он смотрит на меня неотрывно.

Внезапно боковым зрением я замечаю, как Милли отцепляется от его пальца и подходит ко мне. Хватает меня за мизинец и безымянный пальцы, крепко обхватывая их своей маленькой ладошкой. Я опускаю растерянный взгляд на ее очаровательное личико.

– Будешь моей новой мамой?

Меня бросает в жар, и я перевожу взгляд испуганных глаз на Киллиана.

У меня паника. Такая жгучая и сильная, что я готова пря-

мо сейчас подхватить подол своего платья и сбежать с праздника.

Мамой?! Я ни для кого не могу быть мамой! Я не люблю людей. Разве только свой привычный круг общения. Остальные меня напрягают. И детей я не очень. После того, как я была нянькой для своих младших брата с сестрой, я поклялась, что детей у меня не будет. Снова переживать подгузники, зубы, крики, ночные кормежки, капризы? Нет, увольте. Конечно, большую часть обязанностей с детьми взяла на себя мама, но и мне доставалось, потому что папа постоянно был в командировках.

Я пытаюсь медленно освободить свои пальцы, выдавливая неловкую улыбку, но Милли вцепилась намертво. Еще и мама подливает масла в огонь:

– О, это так мило. Эрика, посмотри, какой очаровательный ребенок! И как похожа на тебя, как будто ты ее мама.

Я закашливаюсь, глядя на маму глазами, полными ужаса. Как могу, сигнализирую ей замолчать, но она продолжает что-то там щебетать. Отключаю звук, как научилась делать за много лет, и снова смотрю на Киллиана. А вот он, кажется, забавляется. Уголки его губ приподняты, во взгляде ирония.

– Поможешь? – шиплю ему, кивая на наши с Милли руки.

– Нет, – отвечает он и складывает руки на груди.

К счастью, в ресторан заходят новые гости, и моя семья переключается на них, а я остаюсь с Киллианом и Милли.

– Солнышко, – присаживаюсь возле нее, набрав полные

легкие воздуха и терпения. – Ты не могла бы меня отпустить?

– А ты будешь моей мамой?

Насколько нагло и бестактно будет спросить ребенка, где ее настоящая мама? Перевожу взгляд на отца малышки. Он просто пожимает плечами и приподнимает одну бровь, глядя на нас с Милли. Я быстро прикидываю, что будет, если откажусь. Она может закатить истерику, которую будет тяжело успокоить. В моей семье так в детстве делала Крис, чтобы добиться своего. Если соглашусь? О, это обман, который ребенок может не пережить. Так что я делаю самое безопасное...

– Давай-ка снимем твое пальтишко. Наверняка под ним у тебя красивое платье принцессы.

Милли широко улыбается, выпуская мою руку. Фу-у-ух.

– Я сама выбирала наряд, – хвастается она.

Пока расстегиваю ее пальтишко, поднимаю голову и смотрю на Киллиана, который сверлит меня взглядом прищуренных глаз. От этого по коже бегут мурашки. Только не такие, какие меня одолевали, как только они с Милли вошли сюда. А совсем другие. Но об этих мурашках я даже думать не хочу! Ни в коем случае! Лучше завести тридцать котов и остаться одинокой, чем попасть в постель к этому мужчине!

Глава 5

Киллиан

Я бы мог назвать ее очаровательной. Мог бы, если бы не видел огонь в ее глазах. Не такой, типа, взгляд полный энтузиазма, шарма и девичьей непосредственности. Не-е-ет, там пылает infernalное пламя. Внутри такие черти беснуются, что это пробуждает фантазию, которую, к слову, лучше бы усыпить. Но она уже бушует, перебивая собой все здравые мысли.

И у меня возникает масса других – совершенно неподходящих – вопросов. Какова она в постели? Кричит? Кусается? Рычит? Изобретательна?

То, что она горячая, как ад, я уже даже не пытаюсь оспаривать в своей голове.

На Эрике достаточно скромное платье, открывающее вид только на половину спины, декольте полностью закрытое, бедра скрыты пышной юбкой до колен. Но теперь меня заводят даже эти коленки. А после того, как она кружится в танце со своим братом, и перед моим взглядом мелькает кусочек резинки чулок, мое воображение уже не остановить.

Мысленно я поймел эту девушку на половине поверхностей только в этом зале. Сколько раз я представил ее в своей постели, не счесть. Пытался несколько раз перебить эти видения воспоминаниями о своей жене, но это совсем не рабо-

тает. Или потому, что жена уже только номинальная, или потому что у меня с ней нет ничего общего последние несколько лет.

– Папочка, – шепчет Милли, взбираясь ко мне на колени. – Смотри, наша мама танцует с другим дядей. Пойди ударь его.

Я поджимаю губы, чтобы не улыбаться. Мне вроде как положено учить дочку быть принцессой. Но тот один раз, когда она видела, как я разнимал драку и подумала, что я сам в нее ввязался, видимо, оставил след. Теперь она уверена в том, что я решаю проблемы кулаками и зачастую подбивает меня делать это.

– Милли, я не дерусь с мужчинами, которые танцуют с женщинами. К тому же, она не «наша» мама.

– Так пусть ею будет! Я сегодня напишу новое письмо Санте. Пускай забирает кукольный домик и сделает Эйку моей новой мамой.

Закатываю глаза и пытаюсь не рычать от злости. Как вот ее разубедить? Как, нахрен, себя убедить теперь, что я не хочу Эрику?

Утром мисс Коулман бесила меня. Вечером привлекла. А теперь я хочу ее до зубовного скрежета. Это какая-то ненормальная реакция организма. Но она сама виновата во всем этом. Потому что бросала на меня эти многозначительные взгляды. Улыбалась другим мужчинам, танцевала, демонстрируя чулки. Чертова Эрика!

Обвожу взглядом зал в поисках других женщин. Хочу отвлечься и забыть об этой блондинке, но, как назло, никто даже не цепляет меня. И ведь есть женщины красивее ее, будем откровенны. Есть те, кто бросает на меня откровенные взгляды. Что на ней, черт возьми, свет клином сошелся?!

– Пойдем потанцуем, принцесса? – спрашиваю Милли и встаю со стула.

Она тут же засовывает подмышку своего Гризли, пальчик в рот и царственным движением подает мне вторую ладошку, чтобы я вел ее в танце. Я ее несу, но кому какое дело, как мы двигаемся?

– Любишь танцевать, красавица моя? – улыбаюсь, глядя на дочь.

– Мхм, – отвечает, не вынимая пальца.

– Значит, пора отдать тебя на танцы. Пойдешь учиться этому с другими детьми?

– Мхм.

– Тогда...

– Тебе стоит запретить Милли сосать палец, – раздается справа, и я поворачиваю голову, чтобы столкнуться взглядом с Эрикой. Хмурюсь. – Будет неправильный прикус.

Милли вынимает палец и широко улыбается.

– Папочка, пускай Эйка с нами потанцует! – восклицает она, а я тяжело вздыхаю. – Как мы с бабушкой танцевали!

Она ерзает у меня на руках, а я снова смотрю на дочку Фреда. Та испуганно пятится назад. Отпускаю ручку Милли

и подхватываю Эрику за талию, прижимая к себе.

– Желание ребенка – закон.

– Не всегда, – шипит она. – Иногда и ребенок должен считаться с желаниями взрослых. И вообще все это... неуместно.

– Клади руку мне на плечо и двигайся, Эрика. Ты мне должна.

– Правда? За что это?

– За то, что утром пыталась украсть моего ребенка, – забавляюсь, глядя на то, как расширяются ее глаза.

– Я не...

– Ш-ш-ш, не так громко, напугаешь Милли.

– А я не боюсь! – радостно выкрикивает моя дочь.

– Видишь? – шипит Эрика. – Она не боится. А я не хочу с тобой танцевать.

– Я тоже не горю желанием, но ты ведь не можешь пренебречь желанием ребенка в канун Рождества.

– Сочельник завтра.

– Отлично, будем считать, что завтра уже наступило.

Она тихонько рычит, сцепив зубы, и мечет в меня молнии, которые, вместо того, чтобы убить, только согревают. Я бы даже сказал подогревают, но рискую признать мое влечение к этой ненормальной.

В кармане жужжит телефон, и мне приходится пересадить дочку на руки Эрики. Та на автомате подхватывает ребенка и продолжает покачиваться под музыку. Я криво ухмыля-

юсь, глядя на это. А чего вы ожидали? Что я буду умиляться? Глядя на случайную девушку, которая танцует с моим ребенком? Это вряд ли. Как только передам Милли родителям, буду искать способ трахнуть Эрику, иначе свихнусь, думая о ней. Зачем отрицать очевидное? Я чертовски хочу ее.

– Пап? – отвечаю на звонок.

– Мы на месте, Кил, выводил Панду.

– Сейчас будем. – Отключаю звонок и поворачиваюсь к дочке, которая, вцепившись в шею Эрики, что-то шепчет ей на ухо, а та хмурится и закусывает губу, чтобы, видимо, не смеяться. Вот это я мог бы назвать милым, но нет. – Эй, Панда, там дедушка приехал.

– Ура! – выкрикивает она ровно в тот момент, как стихает музыка.

Люди сначала замирают с недоумением на лицах, а потом начинают улыбаться. Я не смущаюсь, уже привык к выходкам своей дочки.

Забираю Милли у Эрики и бросаю на последнюю говорящий взгляд. Мысленно я приказываю ей не двигаться с места и обещаю столько сладкого, сколько она может выдержать. Но было бы странно, если бы дочка Коулмана послушалась. Она прищуривается, словно на самом деле читает мои мысли, и, резко развернувшись, исчезает в толпе танцующих под новую песню.

Ну, держись, несостоявшийся киднеппер, я сейчас вернусь, и руки у меня будут свободны, чтобы поймать тебя!

Эрика

Так, ладно. Надо просто дышать.

Спрятавшись ото всех, я прижимаюсь к колонне в оранжерее в глубине ресторана и зажмуриваюсь. Дышу глубоко и медленно, на четыре такта.

Он ведь не мог так посмотреть на меня. Он же ничего не обещал тем своим взглядом, правда? Скорее всего, моя большая фантазия все сама дорисовала.

Но как же горячо стало внизу живота и в позвоночнике. Щеки вспыхнули за секунду, как будто я уже была с ним в постели в самый разгар...

Нет-нет-нет, я не должна даже думать об этом. Киллиан – это заносчивый агрессивный придурок, который, не разобравшись, обвинил меня в краже ребенка. А потом, вместо благодарности снова назвал киднеппером. Пусть катится к черту!

Но тело само уже реагирует на него. Между ног так сладко ноеет и становится так влажно... А сердце колотится, словно я марафон пробежала.

Шумно выдыхаю и широко улыбаюсь. Здесь, в темноте оранжереи, я могу себе это позволить, пока никто не видит. Так меня еще ни один мужчина не будоражил. Буквально до мурашек и совершенно неприличных мыслей, которые перебивают одна другую, не складываясь в четкую картинку. Позволяю себе пару минут постоять и просто хотеть то, чего не хотела... да, по большому счету, никогда.

Спустя некоторое время, отдышавшись и немного приведя мысли в порядок, я провожу ладонями по подолу платья, выпрямляю спину и поворачиваюсь влево, а затем вскрикиваю, когда меня сносит вихрь и снова прижимает спиной к колонне.

В темноте я могу рассмотреть только силуэт, но по аромату его туалетной воды и тому, как снова сходит с ума мое сердце, я знаю, кто вжимает меня в колонну своим телом. Он секунду колеблется, а потом набрасывается на мои губы с жестким поцелуем. Жадным и нетерпеливым, как будто я сейчас убегу от него. Я бы, наверное, так и поступила, не будь он таким напористым и вкусным.

Вцепляюсь в его волосы пальцами и выгибаюсь навстречу, позволяя обвить мою талию крепкими руками. Одна ладонь сползает ниже, зарывается мне под юбку и ложится на голое бедро, заставив вскрикнуть от неожиданности и засмеяться прямо ему в губы. Киллиан поднимает мою ногу, забрасывая себе на бедро, и вжимается в мою сердцевину своим твердым членом. По телу снова дрожь, а перед глазами фейерверки. Я довольно мычу, позволяя его пальцам блуждать от кромки чулок до края трусиков. Под них он не ныряет, как будто дразнит, чтобы удерживать меня на грани, и ему это удается. Я уже дрожу от предвкушения.

А потом я внезапно вспоминаю...

Это же тот хам, что обвинил меня в воровстве.

Я не люблю секс.

Я не люблю мужчин.

И детей.

И я не создана для одноразового траха, потому что вообще не люблю это. И, к тому же, это все чертовски неловко. Будет после. В момент страсти, конечно, все так красиво и привлекательно. А вот после будет совсем все не так хорошо.

Пытаюсь оттолкнуть Киллиана, кручу головой, прерывая поцелуй. Но ему плевать, настойчивые губы уже съезжают на шею и ласкают ее.

– Киллиан, остановись, – то ли шепотом, то ли со стоном прошу я. Звучит жалко и совершенно неискренне, но иначе сейчас не получается.

– Не могу, – стонет он в мою шею, впиваясь в нее поцелуем. Мои глаза закрываются, и я сильнее впиваюсь пальцами в его волосы. Тяну за них, а Киллиан кусает меня за шею. – Поехали ко мне.

– Не могу, у тебя дочь.

– Ее нет дома.

– Киллиан...

– Ш-ш-ш. Просто скажи да.

И в этот момент он сжимает мою попку и легонько вдавливаясь своим стояком между моих ног. Мысли плывут, вся кровь отливает от мозга и несется по телу вниз. Туда, где уже все наливается жаром.

– Да, – шепчу, зажмурившись.

И будь что будет!

Глава 6

Киллиан

Мы с Эрикой выдерживаем на празднике еще час. Чтобы она не передумала, я постоянно танцую с ней, подогревая интерес. Шепчу пошлости о том, что собираюсь с ней сделать, как только мы окажемся наедине, незаметно касаюсь губами кромки ушка. Она вздрагивает, шея покрывается мурашками, явно демонстрируя мне то, что она распалена не меньше меня.

Через час я, извинившись, прощаюсь и, шепнув Эрике, что жду ее на улице, выскакиваю на морозный воздух. Мне надо немного остыть, иначе я рискую опозориться, едва войду в горячее тепло ее тела. Минут через пятнадцать на тротуар выходит и сама причина моих влажных фантазий. Раскрасневшаяся, с горящими глазами. Самое приятное – осознавать, что причиной этому не шампанское, а наши игры.

Пока ждем такси, я подвожу Эрику ближе к зданию, пряча от света фонарей, и снова прижимаю к себе. Она так сладко пахнет, что во рту скапливается слюна. Не могу дождаться, когда у меня появится возможность распаковать ее, словно она подарок на Рождество, и увидеть, что скрывается под этим платьем.

В такси мы ведем себя прилично, я лишь позволяю себе играть с ее прохладными пальчиками, скользить по ладони и

сжимать ее. Эрика отзывается, присоединяясь к этому чувственному танцу. Надо же, такие простые действия, а кипит между нами так, что, кажется, сейчас кипятком зальет всю машину.

Дверь в дом я открываю, не глядя, потому что Эрика снова в моих руках. Заходим с черного входа, не хочу, чтобы соседи завтра судачили о том, что мы начали прямо на улице, а держать свои руки подальше от Эрики выше моих сил.

В коридоре быстро сбрасываем верхнюю одежду и обувь. Подхватываю Эрику на руки и несу в дальнюю часть дома в свою спальню. После ухода Алексы я сделал здесь ремонт, и теперь спальня у меня с исключительно мужским дизайном, явно свидетельствующая о том, что в ней живу только я.

Ставлю Эрику у кровати, включаю свет прикроватной лампы и тянусь к спине Эрики, чтобы расстегнуть молнию платья.

– Я не люблю секс! – внезапно выпаливает она, и мои пальцы замирают на язычке застёжки.

Подаюсь немного назад и хмурюсь, вопросительно глядя на нее.

– Не понял?

– Не люблю секс, – тише говорит Эрика. – В смысле... я хочу с тобой заняться сексом, но ты должен знать, что я как бы... ну... не приверженка. И не умею там всякое. А ты, похоже, опытный, и я просто хотела дать тебе знать, что ты можешь быть разочарован.

– Разочарован? – тупо повторяю, пытаюсь осмыслить сказанное.

То есть, я весь вечер кружил вокруг девушки, которая даже не любит секс?!

Сжимаю пальцами переносицу, а потом решаю, что ну не может же все быть настолько плохо? Эрика хорошо целуется, пылко отзывается на ласки, а с техникой мы как-нибудь справимся.

– Все хорошо, – выдыхает она. – Я пойму, если ты сейчас вызовешь мне такси.

– Какое, к черту такси? – я подмигиваю ей и возвращаю свои руки на ее спину.

Целую изгиб шеи, расстегивая молнию, а потом немного отстраняюсь, чтобы снять с нее платье. Медленно стягиваю его по плечам, наслаждаясь каждым кусочком оголенной кожи. Нежной и бархатистой. Когда открываю грудь, застываю, снова хмурюсь. Сосков нет.

Не так. Сосков нет! Их вообще нет!

Я тяжело сглатываю, когда по спине прокатывается неприятный жар.

– Что такое? – спрашивает Эрика, когда пауза затягивается. – Что-то не так? Ты передумал? – она тянет руки к платью, но я не даю ей прикрыться.

– Гм... твоя грудь, – прочищаю горло, все еще пялясь. – Прости, это неадекватная реакция. Я просто вижу такое впервые.

Я в шоке! В панике и истерике! Но это, наверное, какой-то врожденный феномен, и вряд ли Эрика так легко с ним уживается. Скорее всего, из-за этого она и не любит секс, потому что каждый придурок типа меня так реагирует.

– А что с ней? – Она опускает взгляд на свою грудь, а потом улыбается. – Ах, это, – и начинает... сдирать с себя кожу!

Мой шок в шоке. Мой шокированный шок шокирован.

Я хочу вернуться на пару часов назад, вежливо проститься с Эрикой и ее родителями, а потом свалить с праздника в бар, чтобы найти себе нормальную женщину! С сосками, твою мать!

Когда она снимает это... нечто, под ним оказывается нормальная, обычная женская грудь. Красивая, упругая, высокая. Но... Эрика по-прежнему держит в руках это...

– Это такой бюстгальтер, – поясняет она. – Силиконовый. Поддерживает грудь и соски не просвечивают через ткань.

Мне нужен психиатр, бригада реабилитологов и стакан виски, заполненный до краев. Безо льда, пожалуйста. Такой морально-психологической травмы я не получал никогда. Даже тогда, когда меня вышвырнули из самолета, а я забыл, как управлять парашютом.

Член обессиленно повисает в брюках, скукожившись от этого ужаса. Он в шоке не меньше меня.

Эрика тянется ко мне, а мне хочется налить ей большую кружку чая и заставить выслушать мою исповедь обо всем, что я тут пережил. Но мне уже тридцать три, я пилот со ста-

жем, и нытье – это не мое. Потом в одиночестве поплачу. Ладно, это шутка, но надо как-то возвращать член в боевое состояние.

Я снова целую Эрику, заставляя ее выронить этот «бюстгальтер» – причину моих ночных кошмаров, и напоминаю себе сжечь его, пока она будет спать или пойдет в душ. Платье оказывается на полу, и Эрика переступает через него, а я делаю шаг назад, чтобы полюбоваться на красавицу. Черные чулки облегают стройные ноги, кружевные трусики идеально сидят на округлых бедрах. Эрика не худышка, но и не полная, как раз в меру.

Наклоняюсь и начинаю облизывать и покусывать ее грудь. Волосы на голове шевелятся, когда я вспоминаю об этом ужасном предмете женского гардероба, но мне надо перебить неприятный эффект таким, который доставит удовольствие.

Подхватываю Эрику за талию, разворачиваю нас, приземляясь на кровать и усаживая ее сверху на себя. Мы снова целуемся, ее грудь попадет в плен моих рук. Наконец видение отступает, сменяясь новым воспоминанием о сочной груди, которая идеально ложится в мои ладони. Язык Эрики ныряет в мой рот, и я постепенно включаюсь в игру всем телом, включая член с посттравматическим синдромом.

Опрокинув Эрику на кровать, стягиваю с нее трусики, быстро избавляюсь от своей одежды, натягиваю презерватив и ложусь сверху. Опустив руку между нами, ныряю пальцем

в горячую влажность, и она стонет, слегка выгибая спину. Немного невпопад, потому что я еще ничего такого не сделал. Пытаюсь отбросить неприятные ощущения и зудящую мысль о том, что она будет имитировать удовольствие. Значит, я должен сделать так, чтобы ей не пришлось.

Спускаюсь поцелуями по животу, достигаю средоточия удовольствия, игнорируя то, что у нее не сделана депиляция. Не люблю, когда у женщины есть растительность, пусть и аккуратно постриженная. Развожу губки в стороны и лижу ее горошинку. Эрика извивается и хватается за мои волосы. На пальцах, которые я медленно ввожу в нее, чувствую влагу. Это распяляет меня еще сильнее, как и вкус Эрики, ее запах.

Сажусь между ее ног и вхожу в нее. Эрика вцепляется в мои плечи, как только я зависаю над ней на локтях.

– Здесь можно кричать, – шепчу ей в губы и начинаю трахать.

Сначала медленно, потом быстрее и быстрее, глубже, до самого упора. Целую и кусаю ее губы. Эрика стонет и извивается подо мной. Задирает голову, позволяя целовать ее шею. Потом переворачиваю нас. И вот тут начинается самое интересное.

Она запускает пальцы в свои волосы, выгибает спину и начинает так извиваться, кричать и скакать... В общем, мне хочется вызвать санитаров. В Эрику как будто вселилась паршивая порнозвезда, целью которой является завести зрителей, но выходит хреново, потому что у нее с ними раз-

ные понятия о возбуждающей картинке. Ладно, смотрится она не настолько паршиво, учитывая ее красоту и сексуальность. Но все эти движения наигранные, что делает наш секс немного пластмассовым.

Я мог бы сейчас тормознуть этот цирк и сильнее постараться ради ее удовольствия. Но я тут рискую вообще оставить нас обоих неудовлетворенными, потому что член снова в шоке. Поэтому переворачиваю Эрику снова на спину, зажимаю ей рот ладонью и, слегка приподняв ее бедра второй рукой, вколачиваюсь в нее до основания.

Она перестает дергаться и кричать, только негромко мычит в мою ладонь, а ее глаза становятся огромными. Я, конечно, знаю толк в сексе, и хочется верить, что попал в ту точку, которая доставит ей удовольствие, но слабо в это верю. Чтобы получить удовлетворение от секса, нужно, как минимум, отключить голову и полностью включиться в процесс, прислушиваясь к своим ощущениям. Не уверен, что Эрика сейчас на это способна. Больше кажется, что в это мгновение она хочет произвести на меня впечатление. Но делает это так, что портит все еще сильнее.

Подкладываю под ее попку подушку и кладу палец ей на клитор, все еще пытаюсь спасти ситуацию. Эрика вцепляется в мои бедра, глядя на меня, не отрываясь.

– Готова полетать? – спрашиваю ее, а она нерешительно кивает.

Подаюсь бедрами назад, а потом резко врываюсь в нее,

параллельно с этим кружа пальцем по клитору. И тут она за-
жмуривается и, выгнув спину, стонет. Я наращиваю удары
бедрями, не прекращая ласкать ее горошинку. Мне не верит-
ся, но, кажется, она на грани. Ее кожа покрывается потом,
грудь и шея краснеют, а тело бьет мелкая дрожь.

Когда Эрика взлетает на вершину, я чувствую легкую
пульсацию внутри нее, нижние губки опухают. Тогда я опи-
раюсь на руки по бокам от нее и долблюсь в нее, пока не
темнеет в глазах, а по телу не разносится горячая волна удо-
вольствия.

Падаю рядом с Эрикой, лениво вытаскивая из-под ее бе-
дер подушку.

– О, вау, – выдыхает она.

Да, вау.

Вау, блядь, как я облажался с выбором партнерши.

Я, конечно, сбросил напряжение, но перед этим напрягся
еще сильнее.

– Ага, – отвечаю негромко. Врать не хочу, а хвалить особо
не за что. Я не впечатлен. – Пойду воды попью. – Сажусь на
кровати. – Тебе принести?

– Да, спасибо.

Встаю и голышом иду на кухню. Набрал стакан воды, мед-
ленно цежу ее, стоя в темной комнате и пялясь в окно на до-
рогу. В принципе, все прошло неплохо. Но могло быть луч-
ше. Насколько обманчива может быть внешность? Эрика вы-
глядит, как ангел, но в глазах пляшут черти. Я думал, она

из тех девушек, которые внешне скромны и спокойны, а в постели ураган. Похоже, ошибся. Интересно, насколько грубо будет сейчас отправить ее домой? Спать с ней я как-то совсем не хочу. Понимаю, что это дочь моего наставника, и мне не стоило в принципе с ней связываться. Зато теперь, уверен, меня отпустят фантазии о ней.

Набираю стакан воды для Эрики и возвращаюсь в спальню. Но она уже не нуждается в напитке, потому что, закинув ногу на подушку, сладко спит, приоткрыв пухлые губы.

Я со вздохом ставлю стакан на прикроватную тумбочку, а потом мой взгляд падает на бюстгальтер Эрики. Еще раз смотрю на нее, убеждаясь, что она крепко спит. Раз не удастся отправить ее домой, то хотя бы этот ужас сожгу. И выпью виски. Целый стакан. Безо льда.

Глава 7

Киллиан

Я просыпаюсь от того, что дверь в спальню распахивается, ударяясь о стену.

– Папа!

– М? – произношу, не открывая глаз.

– А дедушка сказал, что у него дома Санта уже был! Смотри, что он мне подарил!

– Милли, дай поспать. Еще немного. Подай пульт, я тебе включу мультфильмы, а сам досмотрю сон.

– О, привет! – она бодро заскакивает на кровать и протискивается между мной и... Вот черт!

Резко распахиваю глаза и сталкиваюсь с испуганным взглядом Эрики.

– Видишь, папочка, Санта уже исполнил мое желание.

Милли наваливается на Эрику и душит ее в объятиях, целуя в щеку.

– Папочка будет тебя кормить, – уговаривает она, поглаживая лицо Эрики. – Он вкусно готовит. Особенно яичницу. Папочка добавляет в нее секретные ингредиенты, и она становится вкусной. Без этих ингредиентов ее есть невозможно.

– Без чего? – хрипит Эрика, пытаюсь вжать голову в плечи.

– Без ингредиентов, – со вздохом отвечаю я и переворачиваюсь на спину, прикрывая ладонью глаза.

– Сынок, тебе надо купить еще фруктов, два яблока для Милли недостаточно, – на пороге спальни появляется мама. – Ой, здравствуйте.

Ее глаза расширяются, а потом мама начинает улыбаться, но не уходит. Эрика, выдавив тихое «Доброе утро», все же прячется под одеялом, но держит его так, что я могу видеть ее лицо. Милли думает, что это игра, и пытается заглянуть к Эрике.

– Мам, серьезно? – говорю я, натягивая одеяло на свой голый торс. – Забери, пожалуйста, Милли и подождите в гостиной.

– О, простите, – с улыбкой отзывается мама, но не перестает пялиться на нас с Эрикой. Правда ее саму не видно, только пальцы рук, которыми она крепко вцепилась в одеяло. – Милли, дорогая, пойдём. Папа с... простите, как вас зовут?

– Эрика, – отвечает она, крепко зажмурившись.

– Папа с Эрикой сейчас выйдут. Ну же, давай, милая.

Милли все же прорывается под одеяло, еще раз звонко чмокает Эрику и, радостно подпрыгивая, выбегает из комнаты. Как только дверь за мамой и моей дочкой закрывается, Эрика со стоном опускает одеяло на лицо.

– Доброе утро, – говорю я.

– Не такое уж и доброе. Прости, я должна была вчера уйти.

– Но уснула.

– Ты должен был меня разбудить.

– Но не сделал этого.

– И теперь мы в неловкой ситуации. Я не собиралась знакомиться с твоей мамой.

– Теперь придется.

– Может, ты принесешь мои сапоги и пальто, а я тихонечко выскользну в окно?

– Ну уж нет. Теперь мы в одной лодке, так что придется отдуваться обоим. Давай вставать.

Сажусь на кровати и тру лицо. Теперь нужно будет как-то объяснять маме, кто такая Эрика, почему осталась до утра, а Милли – почему Эрика не может быть ее мамой. Кстати, надо распечатать конверт из суда, наверняка там пришли документы о разводе. Уже три дня забываю о нем.

Встаю и направляюсь в ванную, чтобы привести себя в порядок. А, когда выхожу, Эрика сидит на кровати, завернувшись в одеяло. Из-под него торчат только ее стопы, и пальчики с аккуратным розовым педикюром «рисуют» на ковре. Завораживающее зрелище. Странно то, что после тотального разочарования нашим сексом я все еще считаю ее соблазнительной. Обычно такие исходные данные – это повод расстаться и больше никогда не видеться.

– Ванная, – показываю себе за спину. – Там есть свежие полотенца, а на раковине я оставил для тебя новую зубную щетку.

– Спасибо, – отвечает она тихо. – Я приведу себя в поряд-

док и уеду.

– Мгм, удачи.

– Что это значит?

– Ты еще не знакома с моей мамой. Пока она не получит ответы на все вопросы, вряд ли тебе удастся сбежать.

– Я скажу, что мне позвонили и срочно вызвали в клинику.

– Напомни: ты врач?

– Ветеринар.

– Да, точно.

Когда нас представляли друг другу, что-то такое было сказано, но я упустил из виду, пожирая взглядом ее шею и грудь. А надо было слушать.

– Ну, ладно, я пошла.

Эрика встает и делает шаг к ванной.

– Прямо в одеяле?

– Ну да, – она останавливается и выразительно смотрит на меня, а во мне вдруг просыпается латентный садист.

– Оставь его на кровати.

– Под ним я голая.

– Знаю, сам тебя раздевал.

– Я так не могу. Дойду до ванной и оставлю одеяло возле двери.

– На полу?

– Да, – с недоумением отвечает она.

– Так не пойдет, – качаю головой. – Сбрасывай одеяло и

иди.

Я вижу, как Эрика тяжело сглатывает, но теперь дожать ее и заставить отложить одеяло на кровать – это практически дело чести. Когда она понимает, что я все равно буду настаивать на своем, фыркнув, сбрасывает одеяло и, задрвав голову, идет в ванную, а я люблюсь на ее обнаженную фигурку и покачивающуюся попку.

«Ну почему же ты такая никакая в постели?» – внутренне стону я, когда Эрика скрывается за дверью.

Быстро надев спортивные штаны и футболку, иду на кухню, где мама с Милли уже готовят завтрак. Мне нужно погасить этот пожар любопытства, пока Эрика еще приводит себя в порядок, иначе, зная мою маму, она может спугнуть дочку Коулмана.

– Кто она? – без предисловий начинает мама, как только я занимаю место за обеденным столом. Стараюсь игнорировать ее многозначительную улыбку.

Когда Алекса родила Милли, и уже через неделю выступала в клубе, мама сказала, что из моей жены не выйдет хорошей матери. Потом, когда Алекса переехала в Мадисон, оставив нас с Милли здесь, мама сказала, что нам нужно разводиться, а мне – срочно искать новую жену, которая станет мамой для моей дочери. Причем она настаивала на том, чтобы сделать это как можно скорее, пока Милли маленькая, чтобы не наносить ребенку травму. Она считала, что каждая короткая – а на другие Алекса неспособна, – встреча – это

удар по психике ребенка. Возможно, она права, и я на самом деле против встреч Алексы с дочерью, но не могу ей это запретить просто на основании нашего с мамой мнения. Визит Алексы в день рождения Коулмана не считается, я не впустил ее, потому что не хотел портить дочке праздник.

Теперь мне приходится прятать всех женщин, которые попадают в мою постель, чтобы мама не отпугивала их своим напором. А вот с Эрикой я прокололся. Хотя мамы с Пандой здесь быть не должно было сегодня...

– А что вы здесь делаете? – спрашиваю, повернувшись лицом к маме, когда она ставит передо мной тарелку с яичницей и блинчиками.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Ты тоже.

– Я первая спросила, Кил. Кто она?

– Просто знакомая.

– И ты привел просто знакомую в свой дом?

– Мне нужно было снять номер? Мам, прекрати обсуждать мою личную жизнь, мне уже не пятнадцать.

– Тогда ты тащил каждую понравившуюся девочку знакомить с мамой.

– Что поделать? В молодости мы совершаем ошибки.

Я улыбаюсь, глядя на то, как мама замахивается. Знаю, что не ударит, весь этот гнев напускной.

– Кил, у тебя с ней серьезно? – спрашивает она негромко, присаживаясь на стул рядом.

– Нет. Эрика здесь только на одну ночь.

– Эрика... А как фамилия?

Вот за что я не люблю маленькие города: здесь все друг с другом знакомы. А если не знакомы, то наверняка могут почерпнуть информацию в ближайшей кофейне.

– Коулман, – отвечаю нехотя, потому что она ведь все равно узнает.

– Это дочь Фреда Коулмана? Ветеринар?

На лице мамы такой шок, как будто я встречаюсь с наследницей Британского престола, не меньше.

– Да. А что такого?

– Мы возим к ней собак, Кил.

– Так ты с ней знакома?

– Нет. Обычно животных забирает медсестра. У нас не было ни одного сложного случая, чтобы пришлось общаться с врачом, так что не довелось познакомиться. Она ведь недавно переехала в Маринетт?

– Понятия не имею.

– В каком смысле? – глаза мамы становятся огромными.

– Эйка будет нашей мамой, – довольно заявляет Милли, откладывая на стол вилку, которой до этого проворно орудовала, поедая блинчики.

– Это правда? – спрашивает мама, но я не успеваю ответить, потому что слышу позади себя шорох.

Мы с мамой оборачиваемся и видим, как Эрика на цыпочках пытается проскользнуть мимо кухни к прихожей.

– О, дорогая! – мама вскакивает со стула. – Позавтракаете с нами?

– Мне э-э-э... Простите, – она указывает на двери, – мне позвонили, надо срочно ехать на работу.

– Но сегодня же Сочельник.

– Животные не выбирают, когда болеть.

– Тогда ждем вас вечером на Рождественский ужин.

– Что? К вам? В смысле, я уже дала согласие родителям, что буду праздновать с ними. Съезжается вся семья, я не могу проигнорировать.

– Понимаю, конечно. Тогда ждем вас на Рождественский завтрак. Думаю, вы сможете вырваться, чтобы провести его с нами.

– Если получится, конечно, спасибо.

– Киллиан заберет вас.

– Что вы? В этом нет необходимости.

Я ухмыляюсь. Бесплезно брыкаться, Эрика, тебя уже взяла в оборот женщина с железной хваткой. Скрыться не удастся, остается только расслабиться и позволить тащить себя в эту пучину. Остается открытым вопрос, на хрена все это мне? С другой стороны, мы с Эрикой оба понимаем, что не будет никакого совместного Рождественского завтрака.

– Конечно же есть! Кил должен правильно ухаживать за девушкой, я его этому учила, так что он заберет вас завтра, скажем, в десять. Вам подходит время?

– Да. Идеально, – выпаливает Эрика и наконец сбегает.

Представляю себе, какое облегчение она испытывает, выпутавшись из щупалец моей мамы. А вот мне почему-то не так весело и легко от этого. Я пока не понимаю, что меня тяготит, но знаю одно: я бы не отказался разделить с ней завтрак.

Глава 8

Эрика

Когда меня спрашивают: каково это – провести Рождество в кругу большой семьи, я всегда отвечаю: шумно. Род и Кристина уже обзавелись семьями, у каждого из них по двое детей. Мой брат, как и сестра, первое время пытались отдавать мне своих отпрысков, когда хотели отдохнуть или поехать в отпуск в романтическое путешествие. И каждый раз, наткнувшись на отказ, недоумевали, почему я так поступаю. А я так была счастлива выдохнуть и расслабиться, когда они сами выросли, и мне больше не нужно было присматривать за младшими. Думаю, где-то в промежутке между сменой подгузников и обработыванием очередной разбитой коленки я утратила способность к парованию. То есть, всех достойных парней уже разобрали, а мне достались те, кому пары не нашлось.

Так что на выпускной я пошла с Брайсом Морелли, который, как позже оказалось, ужасно целовался, презерватив натягивал еще хуже, а наш секс закончился парой облапываний и его одержимой влюбленностью в меня. Я же не получила удовольствия ни от чего из перечисленного. К счастью, до самого акта не дошло, Брайс так и не справился с резинкой. А потом мне приходилось скрываться от него все то время, когда я приезжала на каникулы из Мадисона. Слишком уж

он был навязчив.

Сегодня Род снова попытался сделать меня няней своих детей, мол, хочет уединиться с женой. Я отправила его к маме, но он ожидаемо не пошел, зато весь остаток вечера дулся на меня, как будто я сбила его любимую собачку.

Семейный Рождественский ужин, как всегда, шумный и беспорядочный. Каждый член семьи одет в уродливый свитер с оленями и снежинками. К счастью, в этом году я уговорила родителей купить хотя бы одежду из натуральной ткани, что исключало чесотку от «стеклянного» волокна, из которого были связаны наши прошлогодние наряды. Кстати, свитер с прошлого года я торжественно сожгла у себя на заднем дворе. Ненавидела эту тряпицу так, что, мне казалось, она была способна заразить колючестью остальные вещи в моем гардеробе.

– Как на личном фронте, Эрика? – спрашивает мама, а я давлюсь картошкой. Один и тот же вопрос каждый год прямо за праздничным столом. Как будто она не спросила меня об этом вчера. – Я видела ты ушла с юбилея папы с Киллианом Томасом.

– Тебе показалось, – я смотрю с благодарностью на жену Рода, Линдси, которая стучит мне по спине, чтобы я прокашлялась. Подношу салфетку к уголкам глаз и стираю выступившие слезы.

– Я видела, как вы вместе сели в такси, – с хитрой улыбкой продолжает мама, и тут внезапно все разговоры за столом

стихают, а все взгляды устремляются ко мне. Щеки заливает предательский румянец. Опускаю взгляд в тарелку, продолжая ковырять и так развороченную молодую картошку.

– Следила за мной? Он просто подвез меня на своем такси.

– О, теперь это так называется? – хохотнул Роджер, заслужив шлепок по бедру от Линдси.

– Ты присмотришься к Киллиану, дорогая, – мама все никак не может угомониться. – Хороший мужчина, положительный. С женой не срослось, но, насколько я знаю, они собрались разводиться.

Я поднимаю взгляд на маму, а потом резко снова опускаю его, чувствуя, что щеки уже пылают адским огнем. Он женат?! Я переспала с женатым?!

Теперь я могу вычеркнуть из своего списка принципов два: переспала на первом... да это даже свиданием не было! Ладно, назовем так, чтобы я окончательно не начала считать себя падшей женщиной. Переспала на первом свидании – это раз. С женатым мужчиной – это два. И вот на втором пункте хочется отхлестать себя по щекам. Я ведь живу в маленьком городке, где все всех знают! Могла же я подойти к маме на юбилее отца и порасспрашивать о Киллиане! Но нет, я предпочла обжиматься с ним по темным углам, а потом вообще запрыгнуть на его...

О, господи!

И ладно бы в нашем сексе было что-то выдающееся. Так,

механические действия, приведшие к логическому завершению – оргазму. Это все гормоны и физиология, никаких чувств. Даже в груди ничего не вспыхнуло, как должно было от прикосновений понравившегося мужчины. Скажем, было неплохо. Так, как моя мама называет секс ради секса: для здоровья. Типа, перепихнулись, чтобы никто не сдох от застойных процессов в органах малого таза. Может, просветить свою старушку, что не от этого заболевают люди?

Вдобавок ко всему он еще и пилот! Я точно не готова связать свою жизнь с мужчиной этой профессии и навсегда осесть дома, как моя мама. Сколько помню нашу семью, все время мамы занимали дети и домашние заботы. Даже когда отец приезжал из командировок, он с детьми только развлекался. Папа не был ни на одном школьном выступлении и родительском собрании, не водил никого из нас на кружки, не готовил нам завтраки. Более того, мы должны были ходить по утрам на цыпочках, потому что мама все время шикала на нас, заставляя быть тихими, чтобы папа отдохнул. Бр-р-р, я не готова к таким жертвам.

– Киллиан Томас, – медленно тянет Крис, а я зажмуриваюсь. Сейчас начнется. – А, это же пилот! – Кристина работает диспетчером в аэропорту и, конечно, знает всех пилотов. По крайней мере, по голосу и номеру борта. – О, в него влюблен весь экипаж, и не только его! Сара рассказывала, что его жена-певичка бросила мистера Томаса с маленькой дочкой и свалила в Мадисон.

– Сара? Сара Соренсен? – спрашивает мама, а я перестаю дышать в надежде, что сейчас предмет разговора перескочит на бывшую одноклассницу Кристины. К счастью, сестра с энтузиазмом кивает.

– Да, она работает с Киллианом в одном экипаже. О, ты знаешь, что она уже второй раз развелась?

– Детей так и нет у нее?

– Какие дети, мам? Она едва сходит на землю, постоянно в небе.

Я слышу нотки зависти в этих словах. Кристина очень хотела стать стюардессой, но ей не позволило состояние здоровья. Так что сестре пришлось довольствоваться работой диспетчера, на которую ее удалось всунуть отцу, чтобы не сходила с ума.

Мама с сестрой увлекаются обсуждением бывших одноклассников Крис, мужчины, потеряв интерес к сплетням перешли на обсуждение бейсбола, и только мы с Линдси молча жуем свой ужин.

– Киллиан Томас дважды в неделю водит свою дочку к нам в сад, – вдруг говорит она негромко так, чтобы слышала только я. Перестаю жевать, тяжело сглатываю и снова набираю на вилку салат. Легонько пожимаю плечом, давая понять, что мне все равно. – Он на самом деле давно не живет с женой. Когда он в командировке, ребенком занимаются его мать и няня, миссис Торн. Думаю, ты ее знаешь, она была психологом в твоей школе. – Я молчу. Почему вооб-

ще слушаю это – непонятно. Но и отвечать не собираюсь, потому что меня не касается ничего из того, что озвучивает Линдси. – Милли очень хорошая и сообразительная девочка. Правда, любит шкодничать, но кто в ее возрасте не любит? К школе она уже более чем готова, в сад водят только ради социализации и прививанию усидчивости на занятиях.

Я бросаю взгляд на Линдси, которая – в отличие от остальных членов семьи, – не смотрит на меня так, будто Киллиан Томас – это божество, ниспосланное свыше, чтобы облагодетельствовать несчастную Эрику Коулман, оставшуюся в старых девах. Мне кажется, только жена моего брата и понимает, насколько комфортно жить в одиночестве. Может, она даже немного завидует мне, ведь у них в доме постоянный дурдом, как и на работе, где она трудится воспитателем в старшей группе сада.

Разговоры стихают, ужин заканчивается, и вся семья плавно перетекает в гостиную, чтобы посмотреть традиционный рождественский фильм про злого Гринча. По устоявшейся традиции папа засыпает за этим фильмом, мы с девочками убираем со стола и на кухне, а потом я тихо сбегая с семейных посиделок.

Сажусь за руль, но внезапно осознаю, что мне совершенно не хочется ехать домой. Вот сейчас я остро ощущаю то самое одиночество, к которому стремилась. Представляю себе, как войду в пустой, темный дом, в котором наверняка холодно. Хотя с чего бы, учитывая, что в такую погоду отопление

постоянно включено? Можно еще зажечь камин, включить фильм не про Гринча, от которого уже тошнит, завернуться в плед и уснуть под бубнеж телевизора. Но даже эта уютная картинка сейчас не дает нужного эффекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.